

Г А Н Н А Ш Е В Ч Е Н К О

забойная

история,

или

шахтерская

ГЛУ
БО
КАЯ

Содержит
цензуру
18+
грань!

Ганна Шевченко
Забойная история, или
Шахтерская Глубокая
Серия «Претендент на бестселлер!»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31511077

*Забойная история, или Шахтерская Глубокая : [роман] / Ганна Шевченко. : «Э»; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-089320-1*

Аннотация

Однажды бухгалтер Аня из шахтерского поселка Чумаки отправилась на пикник с трудовым коллективом и провалилась под землю. Там, под землей, ее встретил волшебный шахтер Игнат Шубин, который предложил заключить сделку и сбрасывать в его подземелье мужчин, когда-либо Аню обидевших... За, казалось бы, неприятным сюжетом скрывается рассказ о времени: о шахтерском труде, непростом быте, нравственных и психологических проблемах. Но в первую очередь Ганна Шевченко написала легкую, раблезиански веселую историю – и неожиданно провидческую. Сказку о нашей постсоветской жизни.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Шахтерская глубокая	5
Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	24
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ганна Шевченко

Забойная история, или Шахтерская Глубокая

Оформление серии *Петра Петрова*

В оформлении обложки использована фотография: Jakub Krechowicz / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com Фотография на обложке *Алексея Нешина*

© Шевченко Г., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Шахтерская глубокая

Глава 1

Начало лета выдалось беспокойным. Нехорошие слухи пошли по шахте после третьего июня. Я это запомнила, потому что месяц только закончился и мы готовили зарплатные ведомости. Утром после ночной смены в наш отдел зашла главная табельщица и рассказала, что после двенадцати часов в коридоре табельной слышались лязг и стуки, словно кто-то таскает по полу металлический прут. Она несколько раз выглядывала из кабинета, но в коридоре никого не было. Еще за окном мелькал луч от шахтерской каски и слышался мелкий грохоток, словно кто-то бросал в окно горсти щебня. А когда шахтеры после ночной смены вышли из забоя, она обнаружила, что книга учета залита чем-то коричневым, похожим на крепкий чай, хотя она ничего не проливала.

Вскоре от ламповщицы Кати Король стало известно об исчезновении трех новых рудничных светильников, а старшая банщица рассказала, как трое купавшихся после первой смены горных мастеров поскользнулись в один момент и получили незначительные производственные травмы и теперь готовят документы для оформления регресса по временной потере трудоспособности.

Разумного объяснения всем этим странностям не нашлось, и все сошлись во мнении, что на шахту явился Шубин, а значит, быть беде – либо обвалы пойдут один за другим, либо взорвется метан.

Глава 2

Шахта наша называлась «Шахтерская Глубокая», а поселок, в котором жил персонал, – Чумаки. Я работала на шахте бухгалтером. В расчетном отделе нас сидело четверо: я, Марья Семеновна Вдович, Галина Петровна Коломыкина и Аллочка Коломыкина.

Марье Семеновне было под пятьдесят, она носила широкие платья-балахоны и красила волосы в цвет «баклажан». Смуглое продолговатое лицо ее тоже походило на баклажан, нос своей формой напоминал маленький баклажан, и даже пальцы были похожи на молодые нежные баклажаны. Но мощный, оттопыренный низ скорее походил на арбуз, сзади на нем мог бы удержаться стакан с чаем. К нам в отдел часто заходил ее муж Виктор Вдович, похожий на доброго пса: после смены он получал от жены наряды по хозяйству. Пока Марья Семеновна перечисляла поручения, он слушал и кивал. Иногда заходил выпивши, и тогда Виктор, который все понимает и молчит, превращался в Витьку, который не понимает, что несет. Он пытался нас веселить и так неуклюже острил, что всем становилось неловко. Однажды я спросила Марию Семеновну, занимаются ли сексом пятидесятилетние люди. Она ответила «Еще как» и рассказала, что недавно они с Виктором чуть не разбили вазу с флоксами на столе рядом с кроватью, когда страсть достигла высшей точки.

Сорокалетняя Галина Петровна – начальник отдела, наш босс. Она имела красивое, точеное лицо и широкоплечее, мужское тело. Начальница была настоящей язвой. Когда в кабинет заходил кто-нибудь, достойный осмеяния, она подписывала бумаги, искоса щупая объект липким взглядом, а потом, когда дверь закрывалась, расправляла насмешливое лицо и начинала словесную экзекуцию. Она давала клички коллегам. Секретаршу Татьяну Адамовну она превратила в Мадамовну, диспетчера Виктора Игоревича Кирия в Карася, банщицу Веру Кукушкину в Какашкину. Прозвища прирастали к жертвам навсегда.

Галина Петровна охотно говорила на сексуальные темы: «Не понимаю, чего они там стонут в сериалах: я лежу под Колькой, смотрю в потолок и думаю, скорее бы ты кончил», «Залез вчера на меня Колька, а мы свет не выключили, и заходит Денис без стука: что, говорит, родители, трахаетесь? Ну-ну!».

Ее муж Колька – чистопородный забойщик, его жилы полны угольной крови. Кольку невозможно представить в другой роли. Только так – с фонарем на голове, с сигаретой в углу ухмыляющегося рта, с черной обводкой вокруг глаз, с рюмкой самогона после смены – способно выжить это привередливое существо. В других условиях он бы задохнулся. Он, как солдат из касты древних воинов, всегда готов расстреливать Землю из отбойного молотка. Высокий, широкоплечий, чумазый – его можно было бы тиражировать на ре-

кламных щитах Партии регионов. Колька Коломыкин – настоящее олицетворение Донбасса.

На шахте работал и его родной брат Сашка, облегченная версия, «Колька лайт» – и ростом пониже, и удали поменьше, и рюмку опрокидывал реже. Этот Сашка был мужем нашей Аллочки, ее по-родственному взяла к себе в отдел Галина Петровна. Аллочка была миловидная, грудастая, розовощекая, как канадская «мельба». Она постоянно бегала в аптеку то за контрацептивами, то за тетрациклином от женского воспаления, то за грушей для спринцевания. О своей интимной жизни она не рассказывала, и о том, что она у Аллочки есть, мы знали благодаря ее тихим фармацевтическим шоп-турам.

Мой сексуальный опыт в ту пору был небогат. Любовные записки, подброшенные в портфель, таинственные звонки и молчание в телефонную трубку, дискотечные объятия под рассеянным светом зеркального шара, прогулки после танцев, поцелуи в подъезде до умопомрачения – все это было. И незначительные целомудренные романы, длящиеся месяц-другой, тоже бывали. Но первый секс случился в одиннадцатом классе, когда мы с толпой одноклассников праздновали Новый год. За мной бегал один парень из старших, ему было за двадцать, звали Андреем. Несколько раз он провожал меня с дискотеки, пару раз приходил домой, вызывал меня в подъезд и рассказывал анекдоты. Я ему нравилась. Узнав, где будет отмечать праздник наш класс, он пришел

уже после двенадцати, влился в коллектив, стал приглашать меня на медленные танцы, прижиматься, приставать с поцелуями. Ближе к рассвету он повел меня к себе в соседний дом, знакомить с мамой. Мама и впрямь была дома, только она спала в дальней комнате, а мы расположились в гостиной на диване под елкой. Не было никаких эротических переживаний, только ощущение, что меня протыкают тупым предметом. Не знаю, почему это случилось, не было ни любви, ни влечения, одно лишь любопытство. На тот момент моя школьная подруга уже сделала два аборта, а я, кроме страстных поцелуев, ничего не испытала. Но, скорее всего, это произошло потому, что Андрей был похож на мега-поп-звезду Вадима Козаченко.

Через год у меня появился Валера. Когда мы познакомились, он учился в Донецком университете экономики и торговли. Валера приезжал домой по выходным, мы встречались каждую субботу в пустой квартире. Его бабушка и дедушка умерли, а квартира ждала Валериной женитьбы. У него были синие глаза и широкий рот. Когда Валера улыбался, казалось, все его лицо состоит из крупных белоснежных зубов. Мы кувыркались на двуспальной кровати его покойных предков, а после нежностей вели разговоры о том, что мы разумные люди и не должны опускаться до глупой ревности и если кому-то из нас на пути встретится интересный человек и возникнет желание, никто из нас не обязан хранить эту смешную мещанскую верность, а, наоборот, нужно усту-

пить зову природы, и вообще, мы желаем друг другу только счастья и удовольствий.

История закончилась тем, что однажды, не дождавшись Валеры в субботу, я пошла с подругами на дискотеку и встретила его с одной девицей из соседнего поселка. Все мои обеты были нарушены. Я бесилась от мещанской ревности и не желала ему ни счастья, ни удовольствий. Мы расстались.

Мне было двадцать, и мои женщины примеряли ко мне молодых холостяков. На поселке девушек, не устроивших свою судьбу до двадцати пяти, считали старыми девами. Коллеги решили, что времени на поиски жениха у меня мало и я должна действовать. По их мнению, больше всех мне подходил Кирюша Ковалев из отдела нормирования. Он окончил Донецкий технический университет и второй год работал нормировщиком, жил с родителями в Шахтерске.

Кирюша ходил в бассейн по вторникам и четвергам, играл в теннис по выходным, не пил и не курил. У него не получалось острить и балагурить, поэтому во время шахтных застолий он либо молчал, либо говорил о теннисе. Молодые экономистки долго не выдерживали Кирюшиных спортивных историй и уходили курить с бойкими на язык маркшейдерами, а Кирюшу, позевывая, дослушивала Марья Семеновна.

Его мама, Тамара Михайловна, работала ревизором в объединении, отец был родственником генерального директора. Все это вызывало у наших женщин пиетет, они считали Кирюшу лучшей партией и заводили о нем разговоры каждый

день.

Тамара Михайловна Ковалева – личность в шахтных кругах известная. Она часто приезжала к нам с проверками и ревизиями. Роста невысокого, телосложения крепкого, атлетического, плечи у нее шире, чем бедра. Крупный нос и скошенный подбородок создавали интересную картину: в профиль лицо Тамары Михайловны походило на торпеду. Над верхней губой росли чуть заметные усики. Даже не верилось, что такая мужеподобная женщина родила такого хрупкого мужчину.

Кирюша был невысок и худощав. Все у него было маленьким и узким – глаза, плечи, ладошки. У него были смешные щеки – с небольшими выпуклостями возле уголков рта, казалось, он прячет там карамельки. Единственной выдающейся деталью его внешности был доставшийся от мамы крупный нос.

Коллеги постоянно изводили меня Кирюшей: подумаешь, худой – откормишь, не беда, что маленький, – сейчас модно быть выше жениха, зануда – ну и что, зато у него мама – ревизор.

Кирюша мне не нравился, и я отшучивалась от этих предложений. К тому же у меня имелся секрет: я была влюблена в заместителя директора по производству Владимира Андреевича Тетекина.

Тетекин свою должность занимал не больше года, до этого работал начальником семьдесят первого участка. Он был

племянником кого-то из замдиректоров объединения «Шахтерскантрацит», поэтому к своим тридцати, при поддержке и протектировании, смог сделать успешную карьеру.

Владимир Андреевич мог быть главным героем популярного сериала. За таких обычно на протяжении всего фильма борются положительные и отрицательные героини, а в конце герой обязательно женится на самой доброй и красивой.

Он был строен, высок, кареглаз. Безукоризненная стрижка, стильный пиджак, дорогой одеколон – мужчина с журнальной обложки. О нем страшно было мечтать, мне казалось, рядом с Тетекиным обязательно должна быть племянница какого-нибудь замдиректора. Я гнала от себя любовные мысли, но когда он заходил в расчетный отдел, я слышала, как стучит мое сердце.

Глава 3

В Чумаках проживало около двух тысяч человек. В центре, недалеко от поссовета стояли музыкальная школа, несколько магазинов, чуть дальше, в проулке – библиотека и клуб, на окраине – аптека. Шахта, как голова осьминога, возвышалась стволами и терриконами, а в разные стороны от нее ползли улочки-щупальца.

В 1979-м мы прославились на весь Союз. Шахта наша была самой опасной из-за внезапных выбросов газа и угля. Бороться с этим можно только сотрясательными взрываниями, поэтому ученые решили провести эксперимент: на глубине девятисот метров взорвать атомную бомбу.

Населению чего-то наговорили, объявили учения по гражданской обороне, нагнали автобусов и вывезли из поселка с кормежкой, водкой и культурной программой. Шахту оцепили воинские подразделения. Неподалеку расположились научные лаборатории на колесах, советские и зарубежные обозреватели. Ровно в двенадцать часов дня заряд, заложенный между самыми опасными пластами, подорвали. Даже те, кто находился далеко от шахты, почувствовали, как под ногами дрогнула земля.

После взрыва образовалась остекленевшая полость с десятиметровым диаметром, вокруг нее – зона смятия и дробления радиусом около двадцати метров. Горизонт этот изо-

лировали бетонными перемышками, и шахта продолжила работу. К сожалению, цель не была достигнута, очередной выброс случился на шахте уже через полгода.

Эту подземную конструкцию в документах для служебного пользования называли «Объектом “Кливаж”». Но вскоре в стране случилась перестройка, республики разделились, и все, кто проводил и контролировал этот взрыв, оказались за границей – о десятиметровой ядерной капсуле забыли. Шахта вела обычную жизнь, лишь иногда из объединения приезжал человек с дозиметром и проверял радиационный фон.

Мы с мамой жили в двухэтажном доме – два подъезда, шестнадцать квартир. Таких домов в поселке было немало, их строили заключенные после войны. Бабушка рассказывала, что ээки жили в бараках за поселком и на работу ходили в сопровождении вооруженных солдат и служебных собак. Похожий дом я видела на картине Даниэля Найта. Правда, на полотне этот дом изображен на фоне живописного изгиба реки, увит плющом и плетистыми розами.

Наш рыжебокий, потрескавшийся монстр стоял в очереди таких же ветхих уродцев и был окружен угольными сараями. Поселковая котельная работала с большими перебоями, несмотря на то что уголь лежал у нас под ногами. За несуществующее отопление коммунальщики брали большие деньги, многие от него отказались, и работники ЖЭКа обрезали батареи. В наших квартирах стояли печи-пролетки.

Осенью мать покупала на шахте машину угля. Его сгружа-

ли возле сарая, и несколько дней мы перебрасывали уголь. Когда наступали холода, топили печь. Квартира наша находилась на втором этаже, мы всю зиму, день за днем, носили тяжелые ведра: вверх – с углем, вниз – с золой.

Комнаты были высокие, под три метра, и все тепло собиралось под потолком. Чтобы прогреть жилье, нужно было сжечь несколько ведер угля. Квартира была небольшая – кухня, гостиная и спальня, но мы постоянно мерзли. До спальни тепло не доходило.

Чтобы собрать теплый воздух, мы завешивали дверь спальни байковым одеялом и всю зиму ютились в гостиной. Спальня так выхолаживалась, что в ней можно было замораживать куриные тушки. Иногда, чтобы согреться, я ставила раскладушку в кухне возле печи и проводила райские ночи, наслаждаясь теплом и слушая вой ветра в печной трубе.

Мама заведовала поселковой аптекой. В девяностые начальник управления сократил фармацевта и санитарку. Мама осталась одна и работала за троих. Вела документацию, сдавала отчеты в центральную аптеку, ездила за товаром, раскладывала упаковки, надписывала ценники, мыла полы. Начальник ей доплачивал, но денег не хватало, и как только я окончила школу, мать пошла с подарком к директору шахты и попросила принять меня в бухгалтерию. Вскоре в декретный отпуск пошла одна молодая расчетчица, и меня взяли на ее место с условием, что я поступлю в техникум на заочное отделение.

Глава 4

Работа мне нравилась. Мы приходили к семи, вместе с первой сменой, а в три уже расходились по домам. Экономическую службу шахтеры пренебрежительно называли «контора». Весь день мы стучали по клавишам калькуляторов, в обеденный перерыв шли в столовую за чебуреками, запивали чаем «Похудей». К нам на шахту заглядывали коммивояжеры и спекулянты, мы рассматривали товар, примеряли кофточки и колечки. В отдел заходили начальники участков, сверялись по зарплате, угощали шоколадками. Иногда заглядывал директор Федор Кузьмич Гаврилов. Если видел продавцов женских тряпочек, хохотал, прикладывая к себе пеньюары и трусики-стринги.

Ему нравилась наша яблочная Аллочка.

– Дай за сиську подержаться, – всякий раз шутил он, обнимая Аллочку за плечи.

На шахте работали две жены Федора Кузьмича – бывшая пожилая в отделе нормирования и нынешняя молодая в отделе кадров.

Наш директор был хорош: небесно-синие глаза, платиновая седина, аристократическое лицо. Ему бы роста добавить сантиметров десять-пятнадцать, получился бы эталон стареющей красоты.

Женщин он обожал, раздавал титулы самым выдающим-

ся: Аллочка – «Миссис сиськи», Татьяна Адамовна – «Миссис пышный зад». Меня из-за длинных ног называл «Миссис ноги» и, встречая в коридоре, говорил воображаемому секретарю: «Приказ по шахте! Бухгалтерам расчетного отдела ходить на работу в коротких юбках. Точка. За невыполнение лишать премии».

Короткую юбку я иногда надевала, но премий мне за это не давали. С тех пор как развалился Союз, шахтам перестали давать дотации. Оклады у нас были маленькие, да и выплаты задерживали. Жители Чумаков выкручивались, как могли: кто-то спекулировал мелким товаром – сигаретами, жвачками, шоколадками, те, у кого были частные дома, заводили кур, свиней и коров, несколько человек в поселке гнали на продажу самогон. Многие уезжали на заработки в Москву. Мы выживали благодаря тому, что мама работала в аптеке и получала зарплату без задержек.

Глава 5

Тем летом, пятого июня, Марье Семеновне Вдович исполнилось пятьдесят. За окнами установилась чудная погода, в посадке щебетали птицы, цвели дикие груши, бархатным ковром стелилась лиловая хохлатка. Праздновать в комбинате не хотелось, и мы решили, что после сдачи расчетных ведомостей пойдем на природу жарить шашлык.

К тому же после случаев в ламповой и табельной тревожные события произошли в шахтном архиве. Наш архивариус Людмила Николаевна, придя утром на работу, обнаружила, что стеллаж с «Журналами табельного учета» за 1979 год пуст, а все подшивки лежат на полу, разложенные веером, словно кто-то всю ночь их читал. Располагался архив в комнате без окон, железная дверь закрывалась на два замка и опечатывалась полоской бумаги с датой и подписью архивариуса. Злоумышленник проник в архив каким-то таинственным способом.

Начальница называла Людмилу Николаевну Головой из-за того, что ее голова была чуть больше, чем того требовало небольшое аккуратное тело. Но мне казалось, что Людмила Николаевна больше походила на царевну-лягушку в зрелом возрасте. У нее были огромные зеленые глаза, длинные ресницы и круглые, словно надутые щечки. Она была аккуратнейшей женщиной, содержала документы в чрезвычай-

ном порядке, и мысли, что она забыла закрыть дверь и опечатать архив, не возникало ни у кого. Нашлось только одно объяснение – Шубин.

Это событие укрепило нас в решении идти на пикник в лес, оставаться в конторских стенах стало жутковато.

В нужный час я с подарком и букетом цветов подошла к месту встречи.

Парикмахерская в поселке была одна. Мастер первой категории Людмила Головки всем без исключения делала стрижку «шапочка» и химическую завивку. У Марьи Семеновны была кудрявая шапочка баклажанного цвета, у Галины Петровны – темно-русого, у Алочки – белокурая, а у меня – светло-русская шапочка без завивки.

Все женщины расчетного отдела были одеты в спортивные брюки из эластичного бархата. Цвет и покрой был одинаков, темно-серый с белыми лампасами, отличались они только размером. У меня был сорок шестой, у Алочки – сорок восьмой, у Галины Петровны – пятьдесят второй и шестидесятый – у Марьи Семеновны.

Поселковая комммерсантка Танька Шумейко, договорившись с шахтным руководством, делала в конторе особый бизнес. Она покупала в Турции дешевый товар, привозила баулы на шахту и раздавала вещи в долг под зарплату. Операция фиксировалась в шахтных ведомостях и отражалась в бухгалтерских проводках по кредиту. Одевался у нее весь поселок. Местные шопоголики в день зарплаты получа-

ли дырку от бублика. Зато Танька, дравшая со своих клиентов три цены, чувствовала себя превосходно.

Ассортимент был невелик, поэтому весь поселок ходил в одинаковой одежде. Наш отдел купил на зиму серые кроликовые полушубки, на весну – укороченные плащи в мелкую черно-белую клетку, на лето – яркие сарафаны из вискозы. Ну и серые спортивные брюки для пикников.

Все уже собрались, и я не могла понять, почему мы топчемся на месте. Но вскоре стали понятны и неловкая заминка, и смешливые покашливания Галины Петровны: из-за угла появился Кирюша в черных брюках со стрелками, с букетом роз и объемным пластиковым пакетом. Чтобы устроить мою личную жизнь, женщины решили пригласить на пикник Кирюшу из планового отдела. Прощай, мой кареглазый Текин в модном пиджаке, отныне я помолвлена с Кирюшей!

Двинулись к лесу. По пути мы зашли в овощной магазин и купили гигантский импортный арбуз. Нести его, как единственному мужчине, начальница приказала Кирюше. Он вздыхал, потел, менял руку, но все же тащил свою ношу.

Когда мы пришли на поляну, муж Марьи Семеновны был уже там. Он привез на мотоцикле выпивку и закуску, раскопчегарил мангал. Женщины разбирали пакеты, расставляли пластиковые судки с салатами, резали хлеб и колбасу, а мы с Кирюшей ходили невдалеке, рвали полевые колоски, грызли соломинки и говорили о пустяках.

Потом начался банкет. Кирюша старательно исполнял

свои обязанности, подливал мне вино, подавал дальние блюда, поддерживал шампур, когда я стаскивала в тарелку куски мяса, даже спросил один раз: «Тебе не холодно?», когда от леса повеяло прохладой.

Кирюшина мама, собирая сына, положила в пакет консервированный салат «завтрак домоседа» – овощи, тушенные с рисом. Мы ели угощение и расхваливали кулинарный талант Тамары Михайловны. Начальница меня толкала в бок и, когда Кирюша отвлекался, шептала в ухо: «Забирай, пока не увели!»

На десерт разрезали арбуз. Кирюша не зря мучился, мякоть оказалась первоклассной – алой, сахарной, сочной. Кирюша вырезал кубики, выковыривал косточки и протягивал мне сладость, нанизанную на вилку. Я поедала, обливаясь соком, Кирюша протягивал салфетки.

Замысел моих коллег был осуществлен, операция по посадке кавалера прошла успешно, но я чувствовала, что им чего-то не хватает, какого-то всплеска, яркого мазка, завершающего аккорда. И тогда я пригласила Кирюшу прогуляться.

Недалеко от поляны начинались густая лесополоса и крутой спуск. Там, внизу, в тенистой прохладе, в гуще деревьев журчал извилистый ручей. Мы с Кирюшей, держась за ветки, спустились по скользкой тропе. Я разулась, взяла в руки босоножки и вступила в ручей. Сквозь прозрачную воду виднелось песчаное дно.

Вскоре послышались хруст ломающейся ветки и шорох листвы. В просветах кустарника мелькнула макушка баклажанной шевелюры. Из центра послали агента. Меня раззадорило вино. Я вышла из воды, подошла к Кирюше, обняла его плечи и поцеловала в висок. Вскоре под могучим задом затрещал сухой хворост. Довольный разведчик возвращался на базу с докладом.

Я развернулась и пошла вниз по руслу. За мной, как мальчик за бегущим по воде корабликом, шел мой кавалер. Вскоре съеденный арбуз дал о себе знать. Я вышла из воды, обулась, попросила Кирюшу меня подождать и стала искать заросли погуще. Я шла и оглядывалась на Кирюшу. Мне казалось, что кустики вокруг чахлые и, если я присяду, Кирюше будет меня видно. Я шла и шла по посадке, все больше удаляясь вглубь. Наконец нашла то, что искала. Передо мной было широкое углубление, заросшая травой воронка, окруженная терновыми зарослями. Я пробралась сквозь колючую поросль и прыгнула на дно ямы.

В мультфильме «Тайна третьей планеты» космические корабли, приземляясь на гладкую поверхность чужой планеты, внезапно проваливались в темноту – под ними разверзалась земля. Я почувствовала, как у меня из-под ног уплыл верхний слой, словно кто-то потянул за травяной ковер. Сначала я увидела зыбкую глубину, потом в глазах потемнело.

Глава 6

Я почувствовала запах угольной пыли. Посмотрев наверх, я не увидела света – дыра, в которую я провалилась, затянулась. Вокруг было черно, и я стала ощупывать дно. В момент падения меня словно разделили пополам. Я, прежняя, была скована страхом и спряталась глубоко внутрь, но другая, новая, раньше незнакомая, оказалась собрана, спокойна и действовала решительно, как солдат на учениях. Я присела, как лягушка, и двинулась вперед, ощупывая перед собой поверхность. Ладони шарили по угловатым кускам породы и царапали руки. Так я проползла, по ощущениям, метра два, пока не уткнулась в стену, потом встала в полный рост и медленно, на ощупь пошла вдоль стены. Если я через шурф попала в штольню, то рано или поздно она выведет меня на поверхность. Если в штрек, то у меня будет шанс добраться до выработки и встретить там забойщиков. Они вывезут меня из шахты, и я спасена. Некоторое время я медленно шла по коридору, держась за стену. Там, на поверхности, было жарко, градусов тридцать, а здесь, под землей, сыро и холодно. К тому же я ощущала давление, как в морской глубине. Иногда я кричала «Эй!» и слушала, как мой крик превращается в эхо и медленно тонет в подземной толще.

Я часто видела в приключенческих фильмах, как герой, оказавшись на большой высоте на краю пропасти, боялся

смотреть вниз, чтобы не сорваться. У нас в школе на спортивной площадке стояло гимнастическое бревно. Я довольно уверенно ходила по нему туда и обратно, но как только представляла, что подо мной пропасть, тут же теряла равновесие. Главное – не думать, не только на высоте, но и глубоко под землей.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Когда в глубине тоннеля посветлело, я прибавила шагу, а потом побежала, чтобы поскорее добраться до светового источника. Приближаясь к нему, я стала разбирать очертания темной фигуры и фонарь на шахтерской каске. Я решила, что попала в забой и сейчас встречу с одним из рабочих. Я крикнула, но он не услышал.

Я бежала ему навстречу и кричала «Эй!». Думала, он как-то отреагирует, что-нибудь крикнет в ответ или помашет рукой, но он молчал и, как мне казалось, безучастно смотрел в мою сторону.

Когда рабочий был от меня уже метрах в пяти-шести, тоннель закончился, и я оказалась внутри горной выработки эллипсоидной формы, словно кто-то сделал выемку для гигантской таблетки. Шахтер сидел в кресле в самом центре этой сферы. Я замедлила ход и тихо подошла к нему.

Он был черным, как угорь. Его шахтерская роба пропиталась блестящей угольной пылью и, казалось, захрустит от прикосновения, как фольга. Кирзовые сапоги внушительно-го размера были изувечены вмятинами и царапинами. Чер-

ные пальцы имели странную форму, словно их вытянули и утончили. Он держался за подлокотники – кисти рук оплели их, словно корневища. Глаза были закрыты.

Кресло, на котором сидел шахтер, напоминало деревянный трон. Высокая спинка треугольной формы с тремя набалдашниками – два по краям, один в центре. Мощные подлокотники, изгибаясь, перетекали в толстые ножки. Коричневая краска потемнела от сажи.

Рядом с креслом стоял напольный торшер. Похожие светильники я часто встречала в поселковых квартирах, но у этого металлический каркас абажура был густо увит узорной паутиной и припорошен блестящей антрацитовый пылью. Вдоль ножки болтался выключатель – кусок технического шпагата с привязанной металлической гайкой на конце. Из-под абажура лился мягкий свет, и шахтер вместе с креслом был очерчен границей светового круга.

Я тронула его за колено. Шахтер открыл глаза и сказал:
– Бледная ты какая-то...

Глядя на меня, он рассмеялся. Смех его был детский, непосредственный, совсем не мужской.

– Я провалилась в шурф, – сказала я.

Он снова рассмеялся, а я думала, что ему сказать. Решила сообщить, что перед ним бухгалтер расчетного отдела, которая в дни сверки может дать без очереди талон; шахтеры обычно заводят дружбу с расчетчицами.

– На каком участке вы работаете? – спросила я. – У кого

сверяетесь? У Аллочки? Что-то я вас не помню!

Вместо ответа он зевнул и стал задумчив. Его лицо показалось мне странным: оно было продолговатым, как огурец, черты острые, птичьи. Но особенность заключалась в том, что его будто бы перекосило. словно лицо зигзагообразно отразилось в кривом зеркале и навсегда приняло форму своего изображения.

Я сказала:

– Вы мне хотя бы покажите, куда идти, я сама выберусь.

– Мы находимся на глубине девятисот метров, – сказал он.

Я ничего не понимала во всех этих внутришахтных делах, цифра не произвела на меня впечатления. Но мне показался знакомым голос.

Он продолжил:

– Хочешь, я сделаю тебе бабочку?

Вспомнила. Таким мягким голосом говорил Арамис из фильма «Д’Артаньян и три мушкетера». Я пожала плечами и равнодушно ответила:

– Ну, сделайте...

Он оторвал руку от подлокотника, сжал в кулак длинные пальцы и протянул мне:

– Дунь!

Я дунула. Шахтер разжал пальцы, и я увидела на ладони мерцающий трепет. Он мгновенно принял форму бабочки и, взмахнув крыльями, вспорхнул с ладони. Бабочка переливалась. Ее крылья были нежно-лилового цвета, а на перед-

них фиолетовым контуром были очерчены карие окружности. Казалось, бабочка смотрела на меня своими крыльями.

Шахтер улыбнулся и сказал:

– Дарю.

Бабочка летала вокруг меня. Я протянула ей ладонь, бабочка села и тут же растворилась в воздухе. И вдруг все эти пазлы – странные беспорядки на шахте, кресло с торшером внутри горной выработки, глубина девятьсот метров, светящаяся бабочка – сложились в одну невероятную картину. И картина эта не была страшной, а, напротив, светилась и переливалась тихими спокойными красками. Случись эта встреча там, наверху, в конторе, я бы, наверное, умерла от испуга, а здесь, в шахте, мысль о запредельном, наоборот, меня раззадорила. Когда поняла, кто сидит передо мной, я спрятала в карман руку, на которой только что сидела бабочка, и сказала:

– Вас зовут Игнат.

Он облегченно вздохнул, словно избавился от тяжелой ноши:

– Хорошо, что ты пришла.

– Говорят, что вы призрак...

– А что еще говорят?

На фоне покрытого сажей лица голубоватые белки светились, как неоновые.

– Ну... что вы были влюблены в откатчицу Христину...

– Не откатчицу Христину, а табельщицу Тамару. А еще?

– Что эта Христина, то есть Тамара, погибла из-за какого-то начальника. Вернее, шахтовладельца. Было, типа, нарушение техники безопасности. Давно, в девятнадцатом веке. А вы потом этого владельца убили. А сами бросились в шурф, не выдержав разлуки с возлюбленной, и стали призраком, который покровительствует шахтерам и ненавидит начальников.

– Какая романтическая история... – Он хохотнул. – Все было не так.

– А как?

– Мы с Тамарой познакомились в горном техникуме. Я пришел учиться на электрика, она на маркшейдера. Помню, стоим первого сентября на линейке, и она проходит мимо с подругой, такая легкая, нарядная, в светлом шелковом платье. Меня словно горячим ветром обожгло. Вскоре познакомились, стали встречаться, через два года поженились. Она жила на Собачьем хуторе, в многодетной семье. Отец у нее был пьющий. После свадьбы я привез ее к себе, сначала жили с моей мамой, потом нам дали квартиру. Я ребеночка очень хотел, но она все откладывала. Она хотела сначала обустроить быт, хватит, говорила, нажилась в бедности. А потом ей «Жигули» захотелось. Я перевелся в лаву крутого падения, там платили до тысячи в месяц. «Жигули» стоили пять-шесть тысяч, я думал: куплю машину, уйду с опасного участка. Жена работала в табельной. И вдруг до меня стали доходить слухи, что во время ночных смен у нее в каптер-

ке подолгу засиживается начальник ВТБ. Я задал ей вопрос. Она ответила, что он инвентаризацию делает. А потом был взрыв... Ты помнишь ядерный взрыв?

– Мне рассказывали.

– Перед взрывом всех выводили из шахты, эвакуировали поселок. Я помогал ученым устанавливать оборудование. А в табельной как раз Тамара дежурила, ее смена. Я задержался, одно крепление долго не мог приладить, последним ушел с участка. Прихожу к клетки, жду-жду, клетку не опускается. Никто не собирается выводить меня из шахты. Забыли. А Тамара взяла мой номерок с доски учета и в карман себе положила, а начальству сообщила, что в шахте никого не осталось.

Он замолчал.

– И что потом? – спросила я.

– С тех пор я здесь.

– Вы живете под землей двадцать лет? Но как?

– Давай на «ты». Угнетают меня эти официальные отношения.

– Давай, – согласилась я. – А как ты выжил?

– Не знаю. Со мной произошло что-то странное. Когда бабахнуло, я очутился внутри сияния. Видела северное сияние?

– На картинке.

– До этого я тоже только на картинках видел. Только там полосы изображены вертикальные одного или двух цветов,

а там, где я очутился, полосы ходили вокруг меня, как спирали. Яркие. Всех цветов радуги. Там, внутри, я провел двенадцать часов, но времени не чувствовал, словно его не существовало.

– Но откуда ты знаешь, что именно двенадцать?

– Знаю, и все. Мне трудно это объяснить.

– И бабочку трудно объяснить?

– И бабочку... Я очень изменился после взрыва.

– Слушай, – спросила я после недолгой паузы, – а как ты узнал, что твоя Тамара тебя предала? Может, это как-то случайно получилось? Может, ее подменили на рабочем месте? Может, ей стало плохо, ее отвезли в больницу, а другую табельщицу забыли поставить в известность, что человек остался в шахте?

– Я все проверил в архиве. В журнале учета за тот день стоит ее подпись.

– Так это ты шухер навел в архиве?

Шубин захохотал:

– Я!

Он хохотал как ненормальный.

– Чего ты ржешь? Что тут смешного?

– А все смешное.

Он всхлипывал от смеха и утирал слезы. Казалось, он сейчас задохнется от смеха.

– Но после взрыва прошло двадцать лет...

Я пыталась вернуть его к разговору, но он продолжал хо-

хотать. Он всхлипывал и вытирал рукавом слезящиеся глаза.

– Да успокойся ты! Расскажи, что ты ешь? Где берешь воду? Как спишь? Как человек может столько лет провести под землей?

Внезапно он замолчал и стал серьезен.

Смена настроения произошла так быстро, словно он механически переключил режим во внутренних настройках.

– Теперь я не совсем человек. Еда и вода мне не нужны. Я не ем и не пью. А отдыхаю здесь, в этом кресле. Ты когда-нибудь видела привидение? – внезапно спросил он.

– Нет, ни разу...

– Вот и я ни разу, – грустно сказал Шубин, но тут же заулыбался во весь рот: – Ты будешь моим привидением.

– В смысле? – Меня насторожили его слова.

– Ты будешь привидением. Не от слова «видеть», а от слова «водить». Ты будешь приводить людей к шурфу, к тому самому, в который провалилась, и сбрасывать вниз. А я здесь буду их встречать.

– Ты это серьезно?

– Да, – ответил он.

– Зачем тебе это?

– Нужно.

– Нормально! Клево ты все придумал! Очуметь! А ты у людей спрашивал, хотят ли они упасть в шурф?

– После того как я их обработаю в капсуле, они будут мне благодарны. Сначала немножко насилия, но потом они бу-

дут счастливы, что с ними это произошло. Это как удаление гнойника.

Мне стало нехорошо.

Ядерный взрыв, несомненно, повредил парню мозги. Сначала меня забавляли его странности, но теперь стало жутко. Я не подала вида и продолжила разговор:

– А что это за капсула такая?

– После взрыва образовалась капсула, и если провести в ней некоторое время...

Шубин замолчал и опустил глаза.

– Что? – спросила я.

Он поднял взгляд и продолжил:

– Если человек проводит двенадцать часов в капсуле, он становится другим.

– Каким другим?

– Представь себе кухню, в которой длительное время готовили и ели, но ни разу не убрали и не помыли. Представила?

– Представила.

– Опиши, как ты ее видишь?

– Ой, ну ты прям как школьный учитель. Нормально вижу. Грязища везде.

– Горы немытой посуды, залитая горелым жиром плита, стол, засыпанный крошками, фантиками, покрытый пятнами разлитых супов, забитое до краев мусорное ведро, кучья бумажного мусора рядом с ним, пол, усеянный бумаж-

ками-фантиками, кран и раковина, покрытые густым слоем известкового налета, кафельная стена в обильных масляных брызгах, засаленный подоконник с бутылью забродившего кваса. Так?

– Ну да. Так.

– А теперь представь, что все это хозяйство в один момент очищается до блеска. Грязь, мусор, хлам – ничего больше нет, все выметено, выбелено, отмыто. Воздух пахнет свежестью и звенит, как хрусталь. Представила?

– Ну, представила...

– Так вот, то же самое делает капсула с человеком. До нее он – грязная кухня. После – чистая.

– Значит, ты сейчас – чистая кухня...

– Так и есть.

– А это больно?

– Не очень.

– Покажи мне эту капсулу.

– Потом покажу. Тебе еще рано. После превращения ты не захочешь возвращаться, а мне нужна твоя помощь наверху.

– Не захочу я здесь остаться!

– Но и туда больше не захочешь.

– Почему?

– Слушай меня. Мне нужны мужчины. Четыре человека. И не просто мужчины, а мерзавцы, грешники, чем грязнее душа, тем лучше – больше света вольется. Будешь завлекать в лес, подводить к краю шурфа и сталкивать их ко мне.

– И ты всех их будешь в капсулу засовывать?

– Да, санитарная обработка.

– А потом?

– Потом отпущу. Они вернуться очищенными.

– Почему четыре?

– В капсуле осталось энергетического ресурса на четверых, хотя... может, и на пятого хватит. Я тебе потом дам знать.

– Но зачем все это?

– С момента возвращения они станут вирусоносителями света. Новая настройка станет для них программой, они будут повторять ее раз за разом, как балерина из механической шкатулки – крышка открывается, и плясунья вертится на одной ножке под волшебные звуки. А если проще, образ их мыслей будет накладывать отпечаток на образ их действий, а все, живущие рядом и наблюдающие за механизмом действий, бессознательно будут перенимать образ мыслей. Постепенно, медленно, капля по капле, из года в год этот вирус заразит все души и однажды вызовет всемирное воспаление, планету охватит эпидемия света и добра. Все исправятся, очистятся, переродятся. Наступит мировая гармония.

Он снова захохотал, он ржал так громко, что казалось, от взрывов его хохота начнется землетрясение.

Этот сумасшедший опасен, думала я, глядя в его светящиеся глаза. Отпустит ли он меня? Как избавиться от него? Что делать? Как попасть на поверхность? Буду кивать, изобра-

жать послушание и смирение, обещать отряды мужчин, только бы он помог мне выбраться из шурфа.

– А теперь вынужденная мера, – продолжил Шубин, – извини, но мне придется применить шантаж.

Я насторожилась.

– Чтобы гарантировать осуществление моих планов, я вынужден использовать давление. Если ты ослушаешься и не будешь делать то, о чем я тебя прошу, я чихну, когда в забой спустится твой отец. Ты же любишь отца?

– Шубин, ты дерьмо.

– Ну что же это такое! Молодая, симпатичная девушка и так некрасиво выражаешься. Это необходимая мера. Скоро ты поймешь, что наше дело является правым и благородным. А пока я буду следить за твоим отцом и ждать от тебя посланцев.

– Но это же не так просто. Попробуй этих мужиков в лес заманить. Дураки они, что ли? И в шурф как их сбрасывать? Я что, Шварценеггер?

– Ты молодая, красивая женщина, мужчины должны идти за тобой на край света, вот и приводи их на край шурфа.

– Шубин, отпусти меня! У меня мама наверху волнуется. Не смогу я этих мужиков сюда водить! Не получится у меня! Я боюсь, в конце концов! Ты же добрый, ты же вирусоноситель! Ты сказал, что капсула сделала тебя чистым!

Из глаз покатались слезы.

– Тише, успокойся, все у нас получится. Ты, главное, при-

води их к краю шурфа, я буду тебе помогать, если что-то пойдет не так... Да успокойся ты наконец!

Он встал с кресла, взял меня за плечи и помог сесть на свое место. Кресло было теплым.

– Сейчас ты поднимешься на поверхность и пойдешь домой к своей маме. Ляжешь в кровать, поворочаешься с боку на бок, покрутишь разные мысли, а утром проснешься со спокойной и просветленной головой. Вот посмотришь, все так и будет. А сейчас расслабься, вот так. Возьми в руки выключатель.

Шубин вложил мне в правую руку выключатель от торшера и помог зажать его в кулаке.

– А теперь дерни за него, – продолжил он, – дерни, не бойся. Как будто выключаешь свет, ну!

Я дернула за веревку, и свет погас. Сразу же ощутила резкое движение под собой, словно я сидела в парке на аттракционе и начался сеанс полета. А еще через несколько секунд я почувствовала, как мою кожу обволок теплый воздух. Я открыла глаза. Солнце шло к закату, и тени деревьев растянулись во весь рост.

Возвращаясь, я делала зрительные пометки. Заходить на поляну удобнее всего со стороны старого раскидистого дуба, вот дорожка, ведущая к ручью, здесь недалеко от трех плоских камней, выложенных небрежными ступеньками, я вышла из воды. По руслу двигалась около пяти минут. А вот тропинка, ведущая на поляну, где проходил наш пикник. Я

поднялась туда, но все уже разошлись. Костер давно догорел, и там, на пепелище, вперемешку с золой, лежало несколько фантиков от конфет.

Когда я вернулась, мать уже спала, она рано ложилась и рано просыпалась. Светильник горел, голова неудобно откинулась на подушку, сверху на груди лежала книга Геннадия Малахова «Закаливание и водолечение». Я убрала книгу, выключила свет и пошла к себе.

Глава 7

Отец оставил нас с матерью, когда мне было одиннадцать лет. Это было скорее закономерностью, чем случайностью, жили они неладно.

Родители познакомились в городе Советске Калининградской области. Молоденькая мама попала туда по распределению после медицинского училища, работала фармацевтом в аптеке.

После окончания политехнического института отец мог в армию не идти, там была военная кафедра, но зачем-то пошел. Так он оказался в Советской военной части, в младшем офицерском составе войск РТБ.

Не знаю, как родители познакомились, они никогда не рассказывали об этом, а я не спрашивала. Возможно, папа съел что-то несвежее в офицерской столовой, у него заболел живот и он пришел в аптеку за бесалолом или пошел в увольнение с другими офицерами, зашел на городскую дискотеку и там увидел танцующую маму. Первую встречу любят вспоминать счастливые пары, моим родителям не повезло.

Я много раз смотрела на фотографию, сделанную в то время в городском фотосалоне, пытаюсь что-нибудь о них понять.

Мама в черной водолазке с длинными распущенными волосами. Челку она тогда не стригла, и длинные пряди, разде-

ленные прямым пробором, шелковистыми струйками падали вниз. Милое лицо. Такие девочки в школе обычно играют Снегурочек на новогодних праздниках. Тонкие ниточки бровей, острый подбородок. Сколько я ее помню, она всегда рисовала верхние стрелки, даже тогда, в девятнадцать лет.

Папа в офицерской форме и фуражке. На лице – ирония. Его нельзя назвать красавцем, но обаянием он был наделен сполна. Помню, как только выходил на экраны какой-нибудь громкий фильм, знакомые женщины говорили отцу, что он похож на главного героя – то на Миронова, то на Нахапетова, то на Александра Михайлова. Была в нем та самая изюминка, которая делает актеров любимыми, а мужчин желанными.

Мама быстро забеременела. Они расписались и поехали в Тверскую область знакомиться с маминими родителями. Мама рассказывала, что во время этой поездки она чувствовала себя очень неловко, ей казалось, что папу смущала бедность, которую он увидел в бабушкином доме. Мамини родители жили в деревянной двухкомнатной избе, дедушка был плотником, бабушка – медсестрой. С ними еще жили две младшие сестры-близняшки.

Оттуда отец повез мать на Украину. Его семья жила в селе в Донбассе. Дедушка работал директором школы, бабушка – учительницей младших классов. Благополучная сельская интеллигенция. У них были добротный кирпичный дом, каменные сараи, строились гараж и летняя беседка. Мама по-

пала в рай.

Папе оставалось дослужить несколько месяцев, он оставил беременную жену и уехал в Советск.

Когда он перестал писать, мама тосковала, отправляла письмо за письмом, ходила на почту за ответами, но их все не было. Вернуться он должен был осенью, а летом родилась я.

Когда вернулся, они долго выясняли отношения, и папа признался, что полюбил другую женщину, генеральскую дочку (кажется, он один раз даже ездил к ней после службы, но этот роман долго не продлился).

В декабре мать собрала вещи, взяла меня и поехала к родителям.

Об этой поездке мать вспоминала не раз. Ехать нужно было больше суток. Она в суматохе плохо продумала детали. В поезде у нее закончились сухие пеленки и ползунки. Когда выезжала, грудь была полна молока, но, как только села в поезд, молоко исчезло. В поезде плохо топили, на улице стояли морозы. Я так орала, что сбегались люди из соседних вагонов. Помогали, кто чем мог, проводница принесла сухих вагонных простыней, кто-то из пассажиров раздобыл молока. Я не раз представляла себя на месте матери в те часы, и меня охватывала паника. Наверное, это же чувство испытывала тогда и я, голодная, мокрая, испуганная, по непонятной причине вырванная из привычного уюта.

Наш приезд не обрадовал родню. В доме была небольшая кухня с русской печью и комната, где ютились баба с дедом,

две маминых сестры, а теперь еще мы. Я орала дни и ночи напролет. Не знаю, сколько месяцев мы провели там, но все это время украинские бабушка с дедушкой уговаривали отца поехать и забрать молодую жену с ребенком. Однажды он за нами приехал.

Три года мы прожили в селе, еще девять – в поселке Чумаки. Моему отцу как молодому специалисту дали квартиру. Мама работала в аптеке, папа – начальником участка на шахте. Меня отдали в детский сад. Из рассказов матери я знаю, что отец много времени проводил в компании шахтного руководства. Они пили пиво в местном баре, играли в футбол, устраивали пикники в лесу за поселком. Родители прожили вместе около двенадцати склочных лет. Потом на шахту в маркшейдерский отдел пришла работать молоденькая, яркая, ягодно-малиновая Эличка. Отец влюбился и ушел к ней. А мы с матерью остались жить в старой обшарпанной двухэтажке с печным отоплением, в окружении угольных сараев.

Помню, когда была маленькой, я липла к нему как шелковая ткань. Из всех поздних гостей папа носил меня, сонную, на руках. А я говорила всем, что, когда вырасту, выйду замуж за папу. Когда подросла, ходила с ним за пивом, на футбол. Отец ехал заправлять машину бензином – я всегда сидела на заднем сиденье. После школы заходила на шахту, сидела в кабинете и стучала на печатной машинке, пока он не закончит работу.

Когда отец ушел из семьи, наши отношения не прерва-

лись. Он познакомил меня с молодой женой, мы подружались. Я часто гостила у них, проводила каникулы.

Не знаю, видел ли Шубин ядерным зрением всю трепетность моей дочерней любви, но своей подземной угрозой он попал в точку.

Глава 8

В детстве у меня было живое воображение. Помню, я придумала, что у нас в квартире поселился маленький домовый по имени Юра. Я рассказывала о нем матери, сочиняла приключения, которые переживали мы с Юрой, когда родителей не было дома. Я была так увлечена своим персонажем, что однажды поверила в его реальность, и когда родители оставляли меня одну, шарила под столами и кроватями, пытаюсь его найти.

В ту ночь, первую после встречи с Шубиным, в моей голове до утра вертелась карусель. То казалось, что никакого Шубина не было, а вся эта история мне приснилась, когда я, пьяная, уснула на поляне. То казалось, что Шубин был, но только лишь как мимолетное видение, как галлюцинация, вызванная шоком от падения. Под утро мне стало казаться, что Шубин всегда был в моей жизни, только раньше я его не замечала, а все мужчины, с которыми у меня были отношения, уже давно поселились на дне забытой штольни на глубине девятисот метров.

Больше всего меня беспокоил отец. А что, если все это мне не приснилось, не померещилось? Если действительно Шубин сидит в своем шурфе и ждет от меня мужчин, а я, думая, что все это игра воображения, не стану их доставлять? Что будет с отцом? Вдруг Шубин действительно чихнет ря-

дом с ним и случится взрыв?

Я проснулась от щелчка дверного звонка. Ломило тело, и побаливали ладони. Я увидела свежие царапины с въевшейся угольной пылью, и тут же нахлынула уверенность: Шубин существует.

Матери дома не было, мне пришлось встать и открыть дверь. На пороге стояла Зоя. Мы дружили с ней с девятого класса и были довольно колоритной парочкой. У меня рост сто семьдесят три, у Зои – сто пятьдесят. Когда мы с ней наряжались на дискотеку, она страшно раздражалась, если я надевала туфли на каблуках. У нее вся обувь была на гигантских платформах, но, стоило мне всунуться в свои лодочки, Зойкины платформы тут же теряли эффективность. Еще она комплексовала из-за своего веса. В высоту она была мала, а в ширину велика. Но все остальное великолепно. Она говорила, что ее бабушка по отцовой линии была цыганкой: длинная копна каштановых волос, сияющие, как светофоры, темные глаза, ресницы, как взлетающие лучи, пухлые, изящно вылепленные губы, белоснежные, аккуратно упакованные зубы. Она могла бы сниматься в рекламе шампуней, губной помады или туши для ресниц. Ее голова была идеальна.

– Мамка дома? – шепотом спросила Зоя.

– Не-а.

– А где она?

– На рынок, наверное, поехала.

– А чего ты в пижаме до сих пор? – подкрутила громкость

Зоя.

– Только проснулась.

– Пойдем за травой?

– Куда?

– В Камышатку.

– Ты посадила там траву?

– Не. Там прям на обочинах растет.

– А разве ее можно курить?

– Можно.

– Не гони. Если бы от нее перло, твои дружки ее бы уже

выкосили.

– Они еще не знают, что от нее прет.

– А ты откуда знаешь?

– Знаю.

– Пробовала, что ли?

– Нет. Мне сказали.

– Кто?

– Дед Пихто.

– Ну и иди сама за своей травой!

– Да ты не кипешуй! Хилый сказал, что Циклоп недавно попробовал, и ему вставило. Пойдем, а то ничего не останется.

Курить траву Зою приучил ее парень по кличке Хилый. Свое прозвище он получил из-за худой и сутулой фигуры. Звали его, кажется, Сергей, а фамилия вроде бы Яковенко, но об этом давно никто не помнил, кличка, как имплант, дав-

но стала его частью. Он был ярким представителем поселковой гопоты, и всем худшим в себе Зоя была обязана Хилому.

Я траву не курила, но решила пойти. Зоя работала сменным механиком компрессорных установок и знала много шахтных сплетен. Пока я одевалась и жевала бутерброд, она рассказала, что ее родители уехали с ночевкой к бабушке и мы после Камышатки сразу пойдем к ней сушить траву.

Ехать до Камышатки недолго, минут десять, но ходили автобусы редко, зачастую ждать приходилось дольше. Зоя предложила идти пешком, чтобы «растрясти булки»; она всегда думала о своей фигуре.

Чумаки находились на возвышенности. Мы вышли из поселка, и асфальтовая дорога плавно пошла вниз. Минут пятнадцать мы шли по наклонной. Внизу были поселковое кладбище, поворот и подъем. Возле кладбища – автобусная остановка «Космическая». Выходишь на «Космической» – попадаешь на кладбище. Село лежало в стороне от трассы, чтобы до него добраться, следовало повернуть по асфальтовой дороге вправо, подняться на холм и спуститься вниз. Когда мы с Зоей оказались на вершине, у меня захватило дух: на зеленых лугах паслись коровы, блестела извилистая прожилка реки, берега окаймляли богатырские вербы, издалека едва-едва слышалось хоровое пение лягушек, пахло степью и ветром.

Мы пошли вниз к селу по самой короткой и самой узкой тропе. С детства любила эти холмы. Ранней весной они по-

кривались гусиным луком – миниатюрными желтыми цветами, похожими на звезды. Они росли неравномерно – то сгущались, то растягивались в дугообразные полосы. А в сумерках ярко-желтый окрас мерцал, и тогда бугор становился похож на перелицованный купол планетария.

В мае место гусиного лука занимали дикие тюльпаны. Много тюльпанов, тюльпанье иго. Букеты наполняли дом таким густым ароматом, что воздух можно было резать ломтями и использовать вместо мыла.

К началу августа выпускал свои стрелы ковыль. На холмах всегда ветрено, и пряди ковыля тянулись шелковыми струями вслед за ветром, как речные водоросли за придонным течением. Верные адепты воздушного ордена, бьющие поклоны колышущейся стихии. Ковыль – это седина холмов, молитва степей.

– К деду будешь заходить? – спросила Зоя.

– Что я ему скажу? Привет, дед, мы пришли за травой? Не будем.

– Давай зайдем, водички попьем.

– Из колодца попьем.

Когда мы проходили мимо дедушкиного проулка, я опустила глаза, словно взгляд мог меня выдать и тонкими сигналами сообщить деду о нечестивом визите. У соседей под забором лежала свежескошенная трава, они готовили сено для своей коровы. Бабушка умерла зимой, когда мне было семнадцать, и дед сразу после похорон поскользнулся и сло-

мал шейку бедра. Восстановиться он так и не смог, с тех пор передвигался только на костылях. Он не выходил со двора, отец раз в неделю приезжал и затаривал деда продуктами. Случайная встреча была исключена.

Первые три года моей жизни прошли в дедушкином доме. Но почему-то в ранних воспоминаниях нет родителей, словно я сирота. Есть бабушка, которая разучивает со мной стихотворение «У лукоморья дуб зеленый», есть дедушкин директорский кабинет с красным флагом, гигантским столом и россыпью диковинных вещиц на его поверхности: дыроколом, чернильницей, перьевой ручкой, бюстиком Ленина, кусочками мела в жестяной баночке, колодой карт, отобранной у двоечника. Есть залитый солнцем сельский двор, бабушкины флоксы, вареники с вишнями, влажные, только вылупившиеся цыплята, кошка, окотившаяся на чердаке, принцессы из молодых кукурузных початков, печеная картошка, ранняя черешня, быстрые купания в холодной реке, сон в гамаке под яблоней.

Проходя по родной улице, я заметила, как покосился забор у Комаровых, как просела крыша у бабы Нюры, как облупилась краска на Евтушенковых воротах. Мне кажется, я могла бы пройтись по окрестностям с закрытыми глазами и на ощупь опознать каждый камень, каждую скамейку, каждый куст бузины.

Я подтолкнула Зою к разговору о начальнике, но ничего полезного для себя не узнала. Кирилл Семенович лет пять

назад сошелся с молодой бабой с откатки и с тех пор в порочных связях замечен не был. Зато Зоя рассказала, как однажды в ночную смену к ней пришел Евдошин с бутылкой шампанского и...

– Зоя, зачем?

– Я давно хотела Хилому изменить. У меня же, кроме него, никого не было. А я ни разу не кончила. Он и так старается, и сяк. И ничего... Ну я и решила с другим попробовать.

– И что?

– Да ни фига.

Евдошин, начальник бурцеха – известный шахтный ловелас. Когда я ночью в уме составляла для Шубина примерный список подлецов и грешников, он был в числе первых.

– Бли-и-и-ин! – вдруг остановилась Зоя. – Офигеть! Посмотри, сколько здесь.

Мы шли по центральной улице села. Дорога вела к магазину. Ряд домов закончился, и впереди виднелся мост, и тут же, по краям тропинки, ведущей вниз к реке, буйствовали заросли сочной конопли с Зоин рост. Подруга окунулась в зелень и достала пакеты.

Набрав травы, мы вернулись в поселок. Зоя ободрала соцветия, разложила их на противне и включила духовку. Пока трава сушилась, мы резали салат из огурцов и жарили картошку. Зоя сказала, что после укурки всегда нападает жор и нужно быть готовыми. Потом она достала несколько сигарет и стала вытряхивать из них табак. Когда конопля высохла,

она положила на газету жменю, прикрыла другой газетой и стала мять скалкой. Измельченную в порошок смесь Зоя аккуратно загнала в одну из выпотрошенных сигарет. Мы пошли на балкон и сели на пол, чтобы не заметили соседи. Зоя подкурила и сделала затяжку – набрала полные легкие, а потом выпускала дым маленькими порциями. Потом еще одну. И еще.

– Ну что? – спросила я.

– А хрен его знает! – ответила Зоя.

– Дай попробовать.

– На. Только с первого раза все равно не вставит. Нужно вкуриться.

Зоя протянула косяк, и я, подражая ей, сделала глубокую затяжку. У меня перехватило дыхание. Мне показалось, что я вдохнула порошковую смесь из ржавых гвоздей. Я закашлялась. Она забрала у меня сигарету и сделала еще несколько затяжек.

– Ну что, прет? – снова спросила я.

– Что-то я не пойму, – ответила Зоя.

Когда она докурила, мы пошли на кухню и сели за стол. Зоя, как школьница, сложила руки на столе и ждала «прихода». Меня разобрал смех. Я представила физиономию Циклопа, который всем рекомендовал камышатскую траву.

– О, ржешь, у тебя приход, – сказала Зоя.

– А ты почему не ржешь? Ты же больше выкурила.

– Может, еще одну выкурим?

– Выбрось всю эту дрянь. И Циклопу не говори, что ходила за травой. Иначе он без косяка оборжется.

– Ты думаешь, развел?

– Конечно, развел.

– Вот козел. Давай хоть картошки пожрем.

Когда я вернулась домой, мать лежала на диване и смотрела передачу о свадебных обрядах на Руси. С экрана лилась чистая мелодия, голос незамутненной народной души, песни, рожденные сотни лет назад.

– Есть будешь? – спросила она.

– Я у Зои поела.

– Что вы там ели?

– Картошку.

– А я толстолобика на рынке купила, пожарила...

Мать работала шесть дней в неделю с восьми до восьми, а в воскресенье падала на свой диван и смотрела какой-нибудь концерт. С мужчинами на поселке было плохо, все нормальные жили с семьями, в холостяках ходили исключительно алкоголики. Когда ушел отец, к матери несколько раз приходили свахи с потенциальными опухшими женихами пить ознакомительный чай. Но все встречи заканчивались разочарованиями.

Через пару лет разведенной жизни к матери прибился рыжий Шурик. Он был моложе на несколько лет и ниже на полголовы. У него были белобрысые ресницы, красноватая кожа и большие кулаки.

Шурик женился еще до армии, но, когда вернулся, сразу развелся: до него дошли слухи об измене жены. От недолгого брака был сын, которого воспитывала бывшая жена. А Шурик жил с родителями в частном доме, пас корову, рыбачил, сажал огород.

Он часто оставался ночевать у матери, обожал ее фирменные ватрушки и сырники. Но была в нем одна неприятная особенность. Как только у матери появлялись проблемы – нужно было перебросать в сарай машину угля, посадить картошку, сделать ремонт или же она попадала в больницу, – у Шурика сразу возникали важные дела, и он исчезал на недельку-другую.

Яркая была женщина моя мать, целомудренная, работающая и готовила прекрасно, и не пила, и не курила, но личная жизнь не сложилась. Бракованную судьбу выдали ей при рождении. И пожаловаться некому. Где небесное общество по защите прав потребителя? Нет его. Некому слать письма.

– Там еще клубника в литровой банке, Шурик притащил, – вспомнила мать.

– А сам где?

– Домой пошел, ему рано утром корову на пастбище выгонять.

Я прошла в свою спальню, легла на кровать и мгновенно отключилась. То ли камышатская конопля подействовала, то ли убаюкала песня из телевизора.

Глава 9

Работая в бухгалтерии, я видела, как составлялись липовые договоры на невыполненные работы, как рабочие, расписавшись за неполученные деньги, клали в карман свои три копейки и шли в шахтную столовую покупать самогон из-под прилавка. Регулярно списывалось и растворялось оборудование из цветных металлов. В шахтных комбинатах расцветали «подснежники». Так называли людей, которые документально числились на шахте, но не ходили на работу. «Подснежниками», как правило, были либо мелкие коммерсанты, либо местные криминальные авторитеты. Им нужен был подземный стаж для начисления пенсии в будущем, деньги их не интересовали, поэтому начисленную зарплату клали себе в карман начальники участков, растрившие у себя на участках эти плодоносные клумбы.

Одним из самых выдающихся цветоводов был Анатолий Петрович Евдошин. Он неплохо чувствовал себя в девяностые, имел большой дом и белую «девятку».

Стригся он коротко, но на макушке оставлял длинную прядь, чтобы прикрыть проклюнувшуюся лысину. У него были светло-голубые глаза немного навывкате и вздутые мешки под глазами. Над губой – узкие, аккуратно подстриженные усы. Когда он надевал в холода свою фуражку, становился похож на пьющего белогвардейца. Работал начальником

бурильного цеха, занимался подготовительными работами.

Евдошин часто заходил в наш кабинет, брал талоны на зарплату всему участку, делал сверку ведомостей. Анатолий Петрович был крут, на его участке числилось около десятка «подснежников».

В то время бухгалтерия еще не была компьютеризована. Все ведомости и рапорты заполнялись от руки, а потом отвозились в город в вычислительный центр. Каждый месяц наши начальники отвозили документацию. Иногда из вычислительного центра звонили и просили, чтобы документы для сверки данных сопровождал кто-нибудь из бухгалтеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.